

ТЕНЬ
БЕСКОНЕЧНОЙ
НОЧИ

Пролог

Лето 994 года от основания империи Ильказара.

Конец охоты

В залитом голубым светом зале, вырубленном в сплошном камне, ждали четверо. Вошел пятый.

— Я был прав. — Усталость и запыленная одежда выдавали тяготы проделанного им путешествия. — Это действительно Звездный Всадник.

Он уселся в кресло. Остальные ждали.

— Двенадцать моих людей отдали свои жизни, но оно того стоило. Я допросил троих, сопровождавших Ученика в Малик-Таус, и свидетельства их были весьма убедительны. Ангелом Ученика оказался Звездный Всадник.

— Хорошо, — кивнул тот, что принимал решения. — Но где он сейчас? И где Джеррад?

— На два вопроса — один ответ. У Громовой горы.

Не услышав ничего, кроме молчания, новоприбывший продолжал:

— Погибла большая часть лучших моих агентов. Но весть дошла: маленького старичка и крылатого коня видели в окрестностях Пещер Древних. Джеррад взял с собой голубей, и сокольниковый принес одного из них, как раз когда я вернулся домой. Джеррад обнаружил лагерь старика у подножия горы. У него с собой Рог.

Последнюю фразу он произнес срывающимся от волнения голосом:

— Отправляемся утром.

Рог Звездного Всадника, Виндмьирнерхорн, имел славу Рога изобилия. Человеку, который сумел бы вырвать его из рук хозяйна и подчинить своей воле, можно было уже ни о чем не беспокоиться — он мог создавать любые богатства, способные купить весь мир.

Все пятеро мечтали о восстановлении древней империи, похищенной у предков.

Время похоронило их империю, и на свете уже не существовало ниши, которую она могла бы заполнить. Это были не более чем мечты, и большинство присутствующих прекрасно это понимали. Однако они неизменно стояли на своем, движимые силой традиций, желанием принять вызов и страстью, переполнявшей тех двоих, что вели сейчас беседу.

— Там, внизу, — сообщил Джеррад, показывая на погруженное в вечерний полумрак глубокое, поросшее зелеными соснами ущелье. — Возле водопада.

Его спутники с трудом могли разглядеть исчезающий вдали дым костра.

— Что он собирается делать?

Джеррад пожал плечами:

— Просто сидит там уже месяц. Не считая ночи на прошлой неделе, когда он помчался верхом куда-то на восток и вернулся лишь на следующий день перед заходом солнца.

— Знаешь, как туда спуститься?

— До сих пор я не подходил ближе, чтобы его не испугать.

— Ладно, займемся лучше делом. Воспользуемся теми светлыми часами, что нам еще остались.

— Разделимся и нападём на него со всех сторон. Джеррад, что бы ни случилось, не дай ему добраться до Рога. Если понадобится — убей.

Было уже за полночь, когда они напали на старика, а если бы не взошла луна, то все началось бы еще позже.

Проснувшись при звуке шагов, Звездный Всадник стремглав метнулся к Рогу. Джеррад прыгнул первым, с ножом в руке. Старик на полпути сменил направление и с удивительной ловкостью вскочил на спину крылатого коня, который взмыл в небо под звуки, напоминавшие хлопанье драконьих крыльев.

— Сбежал! — выругался предводитель. — Проклятье! Проклятье! Проклятье!

— Вот ведь быстроногий старикашка, — заметил кто-то.

— Какая разница? — сказал Джеррад. — Мы получили то, за чем пришли.

Предводитель поднял объемистый Рог:

— Да, теперь он у нас в руках. Закладной камень новой империи. А Ветер-Оборотень станет ее краеугольным камнем.

— Слава империи! — воскликнули его спутники по подобию предков, хоть и с иным энтузиазмом.

Откуда-то сверху послышался приглушенный далекий звук, похожий на эхо смеха.

583–590 гг. от О. И. И.
Он вступает на мировую арену

Палачи в капюшонах устанавливали украшенный изящным орнаментом столб, а ребенок плакал у их ног. Когда привели женщину с красными от слез глазами и растрепанными волосами, он хотел побежать к ней, но палач мягко подхватил его и передал удивленному старому крестьянину. Пока люди в капюшонах укладывали вокруг женщины вязанки хвороста, она с немой мольбой смотрела на ребенка и мужчину, не видя ничего, кроме них. Священник совершил над ней соответствующие таинства, поскольку с точки зрения его религии она ни в чем не согрешила. Прежде чем вернуться на предписанное ему место, он взмахнул яркими кистями из конского волоса над нечесаной головой пленницы, осыпав ее умиротворяющей боль пылью сонного лотоса, и произнес молитву за спасение души. Главный палач дал знак начинать. Помощники принесли горящую головню, и палач поднес ее к вязанкам хвороста. Женщина смотрела на собственные ноги, словно не понимая, что происходит. А ребенок не переставал плакать.

Крестьянин со свойственной сельским жителям грубой нежностью утешал мальчика, неся его туда, где он не мог услышать криков. Вскоре мальчик перестал всхлипывать, словно смирившись с жестокими прихотями судьбы. Старик поставил его на мощеную улицу, не выпуская детскую руку из своей. Ему самому было хорошо знакомо горе утраты, и он знал, что его следует унять, прежде чем оно перерастет в заклятую ненависть. Этот мальчик наверняка однажды станет мужчиной.

Мужчина и мальчик протолкались через веселящуюся толпу — день казни всегда был в Ильказаре праздником. Мальчик бежал вприпрыжку, пытаясь поспеть за быстро шагающим крестьянином и утирая слезы тыльной стороной грязной ладонки. Покинув

окрестности дворца, они вошли в район трущоб, а затем двинулись по вонючим улочкам среди развешанного белья, пока не добрались до площади, называвшейся Крестьянским рынком. Старик подвел мальчика к прилавку, за которым в окружении дынь, помидоров, огурцов и кукурузных початков восседала пожилая женщина.

— Та-ак, — протяжно проговорила она. — И что ж ты такое нашел, Ройял?

— Смотри, матушка, какой бедняжка, — ответил тот. — Видишь следы от слез? Иди сюда, иди, получишь сладенькое.

Подняв мальчика, он зашел за прилавок.

Женщина порылась в небольшом свертке и достала конфету:

— Держи, малыш. Это тебе. Садись, Ройял. Слишком жарко, чтобы таскаться по городу.

Взглянув на мужа над головой мальчика, она вопросительно подняла брови.

— День уж точно выдался жаркий, — ответил Ройял. — Люди короля снова сожгли ведьму. Молодую. Черный капюшон велел мне забрать ребенка.

Мальчик стоял в тени старой женщины и жалобно смотрел на них круглыми глазами, левым кулачком прижимая ко рту твердую как камень конфету, а правым вытирая остатки слез. Но он уже не плакал и глядел на них, словно маленький идол.

— Я подумал, что мы могли бы его воспитать, — мягко и неуверенно сказал Ройял, зная, что касается больного для обоих вопроса.

— Это большая ответственность, Ройял.

— Да, матушка. Но у нас самих нет детей. Однако, когда умрем, кому достанется хозяйство? А так — и ему будет на что прожить.

Ройял не сказал этого прямо, но она поняла, что, если у них не будет потомка, он отдаст хозяйство любому встречному — лишь бы не королю.

— Что, теперь будешь притаскивать всех сирот, которых найдешь?

— Нет. Но воспитание этого мальчика — обязанность, которую наложила на нас смерть. Как мы смогли бы ею пренебречь? Кроме того — разве каждую весну и лето, до самой осени мы не жили надеждой, что древо все же начнет плодоносить? Или я должен служить этой земле, словно раб, а ты — продавать здесь ее плоды лишь затем, чтобы оставить после себя немного серебра, закопанного

под полом дровяного сарая? Или чтобы хватило на крестьянскую могилу?

— Ладно. Но ты для этого мира слишком добр. Хотя бы потому, что женился на мне, зная, что я бесплодна.

— Никогда об этом не жалел.

— И потому я согласна.

Ребенок все это время молчал. Когда женщина умолкла, он отнял ладонь от глаз и положил ее на лежащие на коленях старческие руки.

Дом Ройяла, расположенный на берегу Эоса, в двух лигах вверх по реке от города Ильказар, наполнился жизнью. Когда-то пустой и покрытый пылью, медленно превращавшийся в руины, он заискрился новым блеском. Муж и жена достали из тайника монету, на которую купили краски, гвозди и ткань для занавесок. Через месяц после появления ребенка дом выглядел как новый. Прежде покрытые коркой застарелой грязи, горшки и сковородки теперь блестели над очагом. Вымели накопившийся сор, под которым появился пол из твердого дерева. На крыше золотилась новая солома. Небольшая комнатка в задней части дома преобразилась в сказочный мир с маленькой кроватью, шкафчиком ручной работы и детским стульчиком.

Перемены были столь отчетливы, что не избежали чужого внимания. Пришел королевский сборщик налогов за причитающейся данью, но Ройял со старушкой едва его заметили.

Однако, несмотря на то что они отдавали ребенку всю свою любовь и душу, тот ни разу не сказал «спасибо». Он был достаточно послушен, не доставлял особых хлопот и любил их некоей печальной любовью, но за все время не произнес ни звука — хотя иногда поздно ночью Ройял слышал, как приемный сын плачет у себя в комнате. Они привыкли к его молчанию и со временем уже не пытались убедить его хоть что-то сказать. В конце концов они пришли к выводу, что, возможно, он вообще не умеет говорить. Подобного рода несчастья не были редкостью в столь жестоком городе, как Ильказар.

Зимой, когда земля покрывалась снегом, семья не выходила из дому. Ройял учил мальчика крестьянским умениям — строгать дерево, лущить кукурузу, коптить и развешивать ветчину, пользоваться пилой и молотком, а также играть в шахматы, в которых мальчик вскоре стал настоящим мастером. Ройяла часто удивляла его со-

образительность, ибо он забывал, что дети вовсе не глупее взрослых, им просто не хватает знаний.

Прошла зима. Ребенок подрос и поумнел, но так и не заговорил. Его назвали Варт, что на их языке означало Молчун. Пришла весна, и Ройял начал работать в поле. Варт помогал ему, ходил вместе с ним за плугом, разрыхляя землю босыми ногами. Вскоре появились молодые ростки. Варт помогал полоть, ставил подпорки для помидоров и швырял камнями в птиц, отпугивая их от дынь. Старушка решила, что в будущем из него получится хороший хозяин. Похоже, крестьянская жизнь ему нравилась.

Летом, когда созрели дыни, покраснели помидоры, а тыквы вымахали в зеленые булавы, Варт помогал убирать урожай, укладывал и снимал груз с повозки Ройяла. Старушка была против возвращения мальчика в Ильказар, но Ройял решил, что тот наверняка уже обо всем забыл, а потому они все вместе отправились на рынок, где провели весьма удачный день. Их урожай был самым ранним, товар — исключительного качества, а весь Ильказар высыпал на улицу в поисках свежих овощей. Позже, когда помидоры и тыквы становились обычным делом, горожане начинали ими брезговать, предпочитая мясо.

— Мы разумно поступили, усыновив его, — сказала старушка, сидя на своем обычном месте в тени. — Смотри! Когда нет дынь, они покупают помидоры и тыквы.

— Пора еще слишком ранняя. Когда прилавки наполнятся и еды хватит даже для свиней, все будет выглядеть уже не столь весело. Как думаешь, может, нам поискать учителя для Варта?

— Учителя? Ройял, мы же крестьяне!

— Ну да, касты — кастами, но их всегда можно обойти. И самый лучший способ — серебро. У нас ведь есть немного, которого нам все равно никогда не потратить. Я подумал, что, может быть, он захочет научиться грамоте. Жаль было бы впустую тратить такой ум для работ в поле. Однако никого более или менее важного я бы в это вмешивать не хотел. Лучше всего, на мой взгляд, подойдет деревенский священник. Он мог бы взяться за обучение взамен на свежие овощи и немного денег, чтобы пополнять запасы вина в перерывах между уроками.

— Вижу, ты уже все решил — что я могу возразить? Давай скажем ему. Где он болтается?

— На другой стороне площади, смотрит, как мальчишки играют в мяч. Сейчас его приведу.

— Нет-нет, позволь пойти мне. Я уже и так вся одеревенела. А ты лучше посторожи помидоры. Только смотри, чтобы молоденькие девицы тебе голову не вскружили. Засмотришься, попытаешься заглянуть под расстегнутую кофточку, тут тебя и обкрадут. Эти их покрашенные сиськи...

— Ой, матушка, я уже слишком стар для такого.

— Не настолько стар, чтобы не засмотреться.

Пройдя между пустыми ящиками из-под помидоров рядом с остатками тыкв, она двинулась через площадь. Вскоре вернулась, полная тревоги:

— Там его нет, Ройял. Ребята говорят, он ушел где-то с час назад. И осел тоже пропал.

Ройял посмотрел в сторону загонов для скота:

— Так, ладно, кажется, я знаю, куда он пошел. Теперь давай ты стереги кухню чародея от происков юных учениц.

Она тихо рассмеялась, но тут же помрачнела:

— Думаешь, он вернулся туда, где...

— Угу. Я надеялся, что он успел забыть, поскольку был тогда совсем малышом. Но урок, преподанный королем, забыть нелегко. Смерть на костре — настоящий ужас, кошмар на всю оставшуюся жизнь. Приготовь каких-нибудь сладостей к нашему возвращению.

Ройял нашел Варта именно там, где и следовало ожидать, — тот сидел верхом на осле перед Королевскими воротами. Площадь выглядела не столь мрачно, как обычно, впрочем мальчик приехал сюда не затем, чтобы разглядывать останки казненных. Маленький и хрупкий, он не отрываясь смотрел на укрепления дворца. Когда Ройял вышел на площадь, Варт как раз направился к боковой калитке. Стражник — неприветливый ветеран средних лет — остановил его, спрашивая, чего надо. Он все еще пытался добиться хоть какого-то ответа, когда появился Ройял.

— Прошу прощения, сержант. Я слишком был занят торговлей и не заметил, как он ушел.

— Ничего страшного, ничего страшного. Ребятишки — они все такие, у самого целый выводок. Что делается на рынке? Жена намекала, что хочет туда заглянуть.

— Пусть лучше поторопится. Дынь уже нет. Помидоры и тыквы тоже скоро кончатся.

— В таком случае жди меня сегодня вечером. Оставь тыкву и пару помидоров, очень уж гуляша хочется. И следы, где таскается этот осел. Он носит на спине весьма умного парнишку.

На прощание он тепло и искренне улыбнулся Варту.

Пока Ройял вел в поводу осла с мальчиком на спине, Варт не проявлял никаких чувств. Но позже, когда по пути через кривые улочки старый крестьянин спросил его, не хочет ли он научиться читать и писать, мальчик пришел в восторг. Столь неожиданный всплеск эмоций удивил старика, и на мгновение ему показалось, что мальчик наконец заговорит. Однако вскоре вернулась обычная для него апатия, и лишь отражалась едва заметная радость на лице.

Так что, когда они продали последнюю тыкву и вернулись домой, Ройял отправился в гости к местному священнику.

Шло время, мальчик вырослел и в возрасте десяти лет уже был ростом с Ройяла и почти так же силен. Старики были вне себя от счастья. Они заботились о нем словно о драгоценном камне, давая ему все самое лучшее. В стране, где бедность сопровождалась болезнями, голодом и недоеданием, мальчика старались отлично кормить. Он вырос высоким в стране, где рослые мужчины считались редкостью.

Его обучение под присмотром священника шло столь же успешно. Он быстро научился писать, часто пользовался записками, чтобы компенсировать молчаливость. Способности его произвели немалое впечатление на священника, и он не требовал никакой платы, кроме редких подарков в виде даров земли. Он настаивал на том, что обучение стремящегося к знаниям мальчика — и без того достаточно достойная оплата. Вскоре он научил Варта всему, что умел сам.

Но как это неизменно бывает, однажды в доме над рекой в Ильказаре поселилась печаль. Осенью, после того как они продали на рынке остатки урожая, старушку свалил удар. Она лишь раз вскрикнула и погрузилась в сон, от которого уже никогда не пробудилась. Ройял горевал об утрате, как и подобало многолетнему супругу, но в конце концов смирился с ней со свойственным ему стоическим спокойствием. Несмотря на бесплодие, его жена прожила долгую полнокровную жизнь, а под конец даже познала радость воспитания сына. Кроме того, Ройял видел, что Варт столь же болезненно переживает ее уход. Хотя мальчик редко проявлял нежные чувства, он всегда был послушен и вежлив. Мысли его блуждали где-то далеко, словно он пребывал в стране теней, где жизнь не могла до него дотянуться.

Как веками поступали и всегда будут поступать крестьяне, Варт и Ройял сперва похоронили умершую, а потом вернулись к работам в поле. Однако крестьянин был стар, и его желание жить угасло со смертью жены. Ранней весной, в пору первых посевов, он ночью тихо ушел следом за ней. Варт думал, что старик спит, пока утром не потряс его за плечо.

Варт снова заплакал, поскольку любил Ройяла, как сын — отца. Отправившись в деревню, он нашел священника и привел его, чтобы тот совершил погребальный обряд. Варт занимался хозяйством, используя все свои умения, до конца сбора урожая. Часто он продавал товар чересчур дешево, не желая торговаться. Позже, решив, что, проработав все лето, он в достаточной степени почтил память приемных родителей, Варт поручил священнику продать хозяйство и начал самостоятельную жизнь.

Осень 995 г. от О. И. И.
Вниз с гор страха

Древний замок Вороний Грай был построен столь глубоко в Крачнодьянских горах, на вершине Кандарин, что мало кто из жителей нижних земель знал о его существовании. Однако благодаря семерым путникам, ехавшим по крутой горной тропе, названию этому предстояло вскоре появиться на многих устах. Шестерых незнакомые с ними люди называли Королями Бурь. Они направлялись в столицу самого северного из всех Цис-Крачнодьянских королевств, Ива-Сколовду.

Во главе отряда ехал Турран, хозяин Вороньего Грая. Позади следовал Ридье, самый старший, с седеющими волосами и суровым лицом, потом — Вальтер, младший из братьев, красивый и статный. За ними ехали Брок, невозмутимый и спокойный, и его брат-близнец Люксос. Люксос был высок и худ, словно гончий пес, Брок — коренаст и мускулист. Отряд замыкал Джеррад, которого интересовала исключительно охота — не важно, на горного ли медведя или на опасного человека. Шестеро странных мужчин.

Седьмой была их сестра Непанта, младшая, с такими же длинными черными волосами, что и у остальных. Она ехала с гордостью, как того требовало ее достоинство, но позу ее ни в коем случае нельзя было назвать воинственной или победоносной. То была не юная хозяйка Вороньего Грая, но грустная и одинокая женщина. Необычайно красивая, она уже приближалась к тридцатилетию, но сердце ее оставалось столь же холодным, как и дом в горах. Однако причиной ее нынешней отрешенности было нежелание разделять планы братьев.

Она уже была сыта по горло их интригами и махинациями. Неделей раньше, не обращая внимания на угрозу вечного проклятия, она вызвала Ветер-Оборотень, чтобы тот сделал непроходимым пе-

ревал, через который они сейчас ехали. Ей хотелось, чтобы братья остались дома, но попытка провалилась. Они перестали ей доверять и потому взяли с собой.

Отряд с волнением подъехал к Северным воротам Ива-Сколовды. Они погибли бы, если бы их узнали. Между Вороньим Граем и городом царила вражда — горькая, как кровь, старая, как леса, и терпеливая, словно смерть. Однако их приезд остался незамеченным. Была осень, пора, когда в городе ждали охотников и торговцев с севера, привозивших скорнякам из Ива-Сколовды шкуры добытых летом зверей.

Доехав в окружении чуждых звуков и запахов до центра, они остановились на постоялом дворе «Имперский сокол», где укрывались несколько дней. Лишь Турран, Вальтер и Ридье отважились выйти на улицу, и то ночью. Дни они проводили, запершись в комнатах и строя планы.

Непанта, одинокая и покинутая всеми, сидела в комнате, размышляя о том, чего хотела, но боялась. Она много спала, и ей снились два повторяющихся сна — один прекрасный, другой кошмарный. Дурной сон всегда следовал после хорошего.

В первом сне она покидала Крачнодьянские горы и двигалась на юг, через Ива-Сколовду и Итаскию, в сказочный Дунно-Скуттари или в колыбель западной культуры Хеллин-Даймиель, где красивая и умная женщина могла найти свое место в мире. Затем сон преобразался, и она оказывалась в городе из тысячи хрустальных башен, и одной из них ей хотелось завладеть. Теплая волна окатывала ее каждый раз, когда взгляд останавливался на башне — всегда изумрудной, — которая чем-то ее неумолимо притягивала. Когда она подходила ближе, страх усиливался, но вместе с ним усиливалось и желание. А потом, сделав двадцать шагов, она уже радостно смеялась и бежала вперед.

Всегда одно и то же. А затем из мрачных уголков ее разума выползали кошмары. Стоило дотронуться до шпилья — это был шпиль, не более того, — как он с грохотом падающих драгоценных камней рассыпался на куски и из руин поднимался чудовищный дракон.

Непанта пыталась бежать, но местность вокруг преобразалась. Город хрустальных башен превращался в лес разящих копий. Она знала, что копья не могут причинить ей вреда, однако слишком их боялась, чтобы усомниться в причинах собственного страха.

Потом она просыпалась, мокрая от пота, испуганная, полная чувства вины, сама не зная отчего.

Хотя ночи из-за подобных снов отнюдь нельзя было назвать скучными, днем Непанта тосковала. Она могла тогда думать лишь о собственной унылой жизни в Вороньем Грае. Ей наскучил вид серых гор, покрытых снежным саваном и окутанных лентами ледяных рек, и непрерывный вой арктического ветра. Ее утомляло одиночество и чувство отверженности, роль орудия в безумных планах братьев. Ей не хотелось больше быть Королевой Бурь, она хотела выйти в мир и жить как обычные люди.

Наконец наступила ночь, их пятая ночь в Ива-Сколовде, когда Короли Бурь начали действовать. В полночь, едва небо затянулось тучами, среди которых иногда проблескивал свет луны, братья выехали с постоянного двора. Вооруженные.

Вальтер и Ридье помчались к Северным воротам. Турран с остальными поехал рысью к Лунной башне, чудовищному сооружению из серого камня, где обитали правители города и королевства.

В темноте подземелий собирались жестокие мужчины и точили мечи. То была ночь сведения счетов с Советом и королем.

Вальтер и Ридье подъехали к воротам, которые охраняли двое сонных стражников.

— Кто идет? — рявкнул один.

— Возможно, смерть, — ответил Ридье.

Свистнул выхватываемый из ножен меч, острие остановилось на волосок от горла стражника.

Второй стражник замахнулся ржавым копьём, но Вальтер уклонился, избегая удара, после чего приставил кинжал к его ребрам.

— Лечь! — приказал он.

Стражник послушно исполнил приказ. Лязгнуло падающее копьё. Второй быстро последовал примеру первого. Вальтер и Ридье связали их и бросили в сторожевую будку.

Ридье вздохнул:

— Когда я увидел копьё... — Он пожал плечами.

— Ворота, — в замешательстве проворчал Вальтер.

Кряхтя от усилий, они подняли засовы и открыли ворота. Ридье принес из сторожевой будки факел, вынес наружу и, размахивая им над головой, подал сигналы. Вскоре послышались тихие шаги.

Из темноты появился рыжебородый великан, за которым шли шестьдесят солдат в мундирах цветов Вороньего Грая.

— А, капитан Гримнасон, — рассмеялся Ридье, обнимая косматого гиганта. — Ты появился вовремя. Отлично.

— Да, лорд. Как идут дела?

— Пока все прекрасно. Но каков будет конец — нам еще предстоит узнать, — ответил Вальтер. — Нам предстоит самое сложное. Следуй за мной.

Турран и его спутники появились у Лунной башни в тот миг, когда Вальтер и Ридье открывали ворота в город. Как оказалось, вход в башню охранял только один стражник.

— Стражник, мы купцы из Итаскии, торговцы шкурами. Мы просим аудиенции у короля, — вежливо сказал Турран.

— Может быть, завтра вечером. Уж точно не сегодня. Идет собрание Военного совета. Да и не поздновато ли? — спросил стражник, высовывая голову.

— Военного совета?

— Да. — Одиноким солдатам на посту часто не хватало общества, и этот стражник не был исключением. Наклонившись, он шепотом сообщил: — Есть подозрение, что Вороний Грай подстрекает к мятежу. Старому Сету Биранову показалось, будто он видел Туррана, главаря сумасшедших чародеев. Наверняка ему плохое вино в голову ударило, он тот еще пьяница, но король его послушал. Гм... может, старый дурень знает кое-что такое, чего не знаем мы, — усмехнулся он, судя по всему считая подобное невозможным. — Так или иначе, сегодня — никаких аудиенций.

— Даже для Королей Бурь собственной персоной? — спросил Люксос и тихо рассмеялся, когда старый солдат удивленно вздрогнул.

— Брок, Джеррад, займитесь им, — приказал Турран.

Они быстро связали солдата и заткнули рот кляпом.

— Люксос! — крикнул Турран, поднося к свету факела потрепанный кусок пергамента и прищурившись глядя на него. — Какая лестница?

Он держал в руке план башни, нарисованный для Вальтера одним из тех, кто сейчас точил мечи в подвалах.

— Если нужно побыстрее — то главная.

Турран шел первым. Они беспрепятственно добрались до зала Совета на вершине башни, где им попытался преградить путь еще один стражник. Наклонившись, чтобы взглянуть на их лица, он увидел обнаженные мечи.

— Убийцы! — крикнул он и попытался, пытаясь закрыть дверь.

Однако Брок и Турран уже навалились на нее плечами, свалив стражника на пол. Джеррад, правда, протянул ему руку, но перед этим наступил на его меч.

Членов Совета охватила паника. Толстые горожане едва не покалечились, вырывая друг у друга оружие и отступая к дальней стене. Неудачливый стражник присоединился к ним. Сам король даже не шевельнулся, парализованный страхом.

— Добрый вечер! — сказал Турран. — Я слышал, вы как раз вели разговор про нас. Подойдите ближе! Вам нечего бояться. Нам не нужна ваша жизнь... нам нужно только ваше королевство.

Он рассмеялся, но веселье его быстро утасло. Члены Совета все еще держали оружие наготове.

— Вороний Грай должен получить этот город.

— Зачем? — спросил один. — Вы воскрешаете ненависть столь древнюю, что сегодня ее считают полузабытой легендой. С тех пор как отсюда изгнали ваших предков, прошли века.

— Речь идет о намного большем, — ответил Турран. — Мы строим империю. Новую империю, которая затмит величие Ильказара.

Он говорил вполне серьезно, хотя знал, что для братьев вся эта история — скорее военная игра, нечто вроде шахмат, в которых фигурами были живые люди. Во всех планах и приготовлениях ни он, ни братья не обращали особого внимания на последствия или цену. Брок, Люксос, Джеррад и Ридье пытались претворить в жизнь древние фантазии Вороньего Грая скорее ради развлечения, чем с искренней убежденностью.

Послышался нервный смешок:

— Мировая империя? Вороний Грай? С горсткой людей? То, что не удалось Ильказару с миллионами его жителей? Да ты, похоже, взбесился.

— Словно лис, — ответил Турран, отбрасывая со лба темные волосы. — Словно бешеный лис. Я уже занял Ива-Сколовду, и притом без кровопролития.

— Еще нет! — Один из членов Совета шагнул вперед, доставая меч.

Турран печально покачал головой:

— Займись этим глупцом, Люксос. Но не причиняй ему вреда.

Люксос с самоуверенной улыбкой подошел ближе. Его противник поколебался, затем сделал выпад, который мог бы стать смертельным. Однако Люксос отбил клинок и сам перешел в атаку. Сталь трижды лязгнула о сталь, и человек из Ива-Сколовды посмотрел на свои пустые руки.

Это стало достаточным уроком.

Турран усмехнулся:

— Как я уже сказал, мы занимаем город и, если удастся, сделаем это без пролития крови. Но если вы так уж хотите, можем устроить праздник Темной Госпоже. Эй, ты там, взгляни-ка в окно.

Мрачный толстяк послушно посмотрел в указанном направлении.

— Солдаты! — прорычал он. — Что вы делаете?

— Я же сказал — занимаем город.

С яростным ревом члены Совета бросились вперед...

— Башня под защитой, господин, — слышался за дверью низкий голос, и рыжебородый капитан ввел в зал отряд солдат. Окинув взглядом изумленных членов Совета, он рассмеялся и спросил: — Что мне с ними делать?

— Запереть в собственной темнице, пока Непанта не будет в безопасности. Где Вальтер?

— Я вам нужен? — Вошел Вальтер, запыхавшийся после подъема по лестнице, с порозовевшим от возбуждения лицом.

— Да. Собери своих революционеров. Сегодня вечером я хочу начать организацию нового правительства. И — как можно быстрее вывести наши войска из города.

Вальтер ушел.

— Ридье, возьми отряд и приведи Непанту. Я хочу, чтобы она перебралась сюда до восхода солнца, — продолжал Турран.

Ридье кивнул и вышел.

Капитан повел членов Совета в камеры. Затем Короли Бурь сели рядом с королем Ива-Сколовды и продиктовали ему заявление об отречении от престола.

Пришла Непанта. Мужчины принесли из подвалов заточенные мечи. Она стала их принцессой, они же — ее армией и полицией, хотя ни один Король Бурь не питал к ним доверия. Однажды они уже оказались предателями.

Непанта со всей серьезностью отнеслась к новой роли и сыграла ее намного лучше, чем ожидали братья. Она не одобряла их идею завоевать город и пошла на немалый риск, пытаясь этому помешать, однако, когда ее вынудили обстоятельства, с энтузиазмом взялась за дело. Грязный, прогнивший насквозь город нисколько не походил на видения из снов — но, по крайней мере, Ива-Сколовда давала хотя бы тень ответа на ее желания. И она намеревалась использовать каждое мгновение украденной у нее славы — насколько это было возможно.

Низложенный с трона король официально объявил о своем отречении назавтра в полдень, хотя город об этом уже знал и особо не возражал. Народ, похоже, считал, что хуже свергнутого правитель-ства ничего быть не может, — настолько оно было продажно.

Поскольку Турран не желал выставлять свою власть напоказ, чтобы не разжигать древнюю вражду, он увел солдат в Вороний Грай. Оставил только один взвод под командованием подчиняв-шегося Гримнасону лейтенанта Рольфа Прешки в качестве личной охраны Непанты. Другие Короли Бурь остались, чтобы помочь сест-ре создать правительство, но с нетерпением ждали очередных лег-ких завоеваний.

Непанта стояла в одиночестве у окна в темной комнате Лун-ной башни, глядя на залитый лунным сиянием город. Светало. Блестящие черные волосы падали ей на плечи. Проницательный взгляд темных глаз обследовал сад. Губы, пухлые и розовые, когда она улыбалась — что бывало крайне редко, — были сейчас плотно сжаты, поскольку думала она о вещах далеко не приятных. Лоб пере-секала бессменная глубокая морщина. Неожиданно Непанта повернулась и начала расхаживать по комнате изящной, но далеко не женственной походкой. Несмотря на красоту, Непанте недоста-вало женственности, возможно, потому, что она слишком долго прожила в обществе жестких и грубых мужчин, а может, оттого, что ее не покидал страх. Дурные сны приходили теперь каждую ночь. Но сейчас ее преследовали мысли о Вороньем Грае, а не воспомина-ния о кошмарах.

Они как будто играют в завоевания, думала она, совсем как в детстве. Но теперь они уже взрослые, а это реальный мир — мир, который они едва знали. Они слишком долго жили в странном, мерт-вом Вороньем Грае, и это наложило отпечаток на их сознание. За-мок безумцев, думала она, в горах, на высочайшей из вершин, вися-щий над краем острых как ножи горных хребтов и вечной зимы. Он стоял там, постепенно разрушаясь, а его обитатели время от време-ни нападали на Ива-Сколовду. Несчастный город! Однако имелись старые счета, которые требовалось свести. Их предков, вице-ко-ролей империи в Ива-Сколовде, после ее распада изгнали в Крач-нодьянские горы. С тех пор каждое поколение потомков пыта-лось вернуть семейную власть сюзеренов над Цис-Крачнодьян-скими провинциями бывшей империи. Мечты глупцов умирают последними.

Турран, как всегда, играл роль генерала. Но что у него была за армия? Ха! Пара сотен людей, среди которых лишь перебежчики из Гильдии под началом рыжебородого Гримнасона годились для боя. И все же она сочувствовала городам на западе. Они вступят в бой, а Турран с помощью Ветра-Оборотня разобьет их древние стены и почтенные замки. Никогда прежде в семье не доходило до столь полного подчинения Силе. Прежней жизни наступит конец. Маленькая вселенная Вороньего Грая падет, поскольку его обитатели намерены разыграть свою игру. При мысли о том, чему еще предстоит погибнуть, ее охватил гнев.

Сама о том не догадываясь, она вела себя с тем же высокомерием, которое презирала в братьях. Она ненавидела их отважную самоуверенность и при этом не хотела для себя ничего иного, кроме как победы на магическом поле битвы.

— Неужели этот идиотизм никогда не закончится? — спросила она в ночь.

Наверняка закончится рано или поздно, пусть даже лишь тогда, когда из уст посланников госпожи Смерти падет ее имя. Конец наступит, и он будет означать победу или поражение. Однако ни в том ни в другом ей не найти спасения от небольшого ограниченного общества, в котором она выросла. Смерть казалась ей единственным путем к настоящей свободе.

О, как страшно хотелось покончить с утомившей ее жизнью! Братья понятия не имели, о чем она говорит. Они походили на рыбок, счастливых в водах мелочных событий. Они не замечали скрывавшегося в душе Непанты перепуганного ребенка, страстно желавшего познать мир. Но Непанта и сама его не понимала — это был меньший из страхов, которые днем подавлялись ее пламенной натурой, а ночами властвовали в ее снах.

За время пребывания в Ива-Сколовде сны изменились. Их приятные фрагменты остались прежними, но когда она протягивала дрожащую руку, чтобы коснуться изумрудного шпиля...

...Башня расплывается, порождая дракона, сама же она бежит через странный лес из копий, но теперь уже не одна. Со всех сторон тысячами появляются кошки, уворачиваясь от копий, которые выпрыгивают из земли и атакуют. Впрочем, кошки принимают их удары с радостью, большинство лишь делают вид, будто пробуют скрыться. Непанта в ужасе бросается бежать. К ее разочарованию, убегает она всегда одна...

Одна. Она всегда была одна, даже посреди города, в самом сердце королевства.

Сны мучили ее до такой степени, что она старалась не спать. Сейчас, думая об этих кошмарах, она хотела только одного — заплакать, но слезы не шли. Вороний Грай подавил в ней все чувства, угасли даже гнев и ярость. Вскоре ей не останется ничего, кроме ужасов одиноких ночей.

Она принялась ругаться — медленно, методично. С губ ее слетали все оскорбления и непристойности, которые она слышала за жизнь, проведенную в обществе грубых мужчин. Луна скрылась за горизонтом на западе. Погасли звезды. Еще до того, как она закончила ругаться, наступил рассвет. А потом у нее не осталось ничего — кроме страха.

На мгновение вернулись воспоминания из детства, мечты о странном рыцаре, который явится, чтобы спасти ее с Кандарина.

Воспоминание оказалось ничем не лучше снов. Она спрашивала себя, кем стало это невинное дитя, — шлюхой, позволявшей насиловать себя собственным братьям, желавшим и дальше вести свою игру. В течение дня ей приходилось терпеть унижения от ненавистных взглядов человеческих отбросов, которых братья отдали ей во владение. Да будут они все прокляты, особенно братья за то, что оказались чересчур ленивы, чтобы править самим.

В конце концов сдавшись и укладываясь спать, она прошептала молитву:

— Пусть боги Верхнего и Нижнего мира или все Силы, что есть на свете, обратят в прах и уничтожат навеки посланников гибели, Королей Бурь из Вороньего Грая.

Однажды ночью в самом высоком зале на Лунной башне собрались шестеро, ожидая прихода Туррана. Пятеро ждали его с безстрастным терпением, но не Непанта...

— Проклятье! — выругалась она, ударяя кулачком о стол. — Этот бездельник когда-нибудь явится?

— Терпение, Непанта, — умоляюще сказал Ридье. — К чему такая спешка? С тех пор как ты без причины вызвала Ветер-Оборотень, погода стоит ужасная. Будем ждать, сколько бы ни пришлось.

При упоминании о минувшей неудаче она взяла себя в руки, но ничего больше не сказала.

— Еще немного, — сказал Вальгер. — Он скоро будет.

Содержание

Тень бесконечной ночи	5
Дитя октября	241
Нашествие Тьмы	479